

О. А. Гаврилова

Партийность в карьере советского инженера: судьба С.Л. Бурьянова

Лишь немногие историки, посвятившие свою научную жизнь истории блокады Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, могли бы сказать, что знакомы с большей частью эго-документов той грозной эпохи¹. Тем не менее обилие дневниковых записей, которые уже опубликованы или введены в научный оборот исследователями, безусловно, воссоздает будни блокадных лет во всем многообразии взглядов мужчин, женщин и детей, представителей различных социальных групп: рабочих, академиков, артистов, учителей и совслужащих. Казалось бы, общая картина жизни горожан во вражеском кольце ясна, известно множество подробностей борьбы за существование, примеров как стойкости и мужества, так и нравственного падения, и преступного равнодушия, образы блокадной повседневности и хроника городской жизни. И все же каждый новый голос, каждый рассказ об истории семьи, вехах крушения человеческой жизни в катастрофических обстоятельствах войны должны быть услышаны.

Поводом к написанию этой статьи стал дневник С. Л. Бурьянова — бесхитростное и трагическое в своей обыденности поденное повествование о жизни и быте рядового жителя Ленинграда в первые месяцы блокады. Дневник охватывает сравнительно небольшой, но очень

Гаврилова Ольга Александровна
канд. ист. наук, доц.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

тяжелый период в истории обороны города — регулярные записи в обычной тетради велись с сентября по декабрь 1941 г. Заканчивается хроника со смертью автора в феврале 1942 г.²

Надежды на то, что мы узнаем что-либо о человеке, страницы дневника которого наполнены переживаниями о поисках работы, семейными неурядицами, огорчениями, связанными с попытками найти продукты и утолить не только голод, но и желание выпить, были призрачными. Однако упомянутая в тексте партийная чистка и пропагандистская риторика, присутствующая в рассуждениях, заставили обратиться к материалам Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга. В фондах архива сохранилось партийное дело С. Л. Бурьянова, не только позволившее воссоздать в общих чертах его жизненный и профессиональный путь, но и дающее возможность поразмышлять о судьбе рядового человека — ровесника XX в., чья юность пришлось на эпоху крушения царской России и создания советского государства. Вступив в ВКП(б) в 1925 г., С. Л. Бурьянов дважды исключался из партии — в 1929 и 1935 гг., не единожды предпринимал попытки к восстановлению, следствием чего стало обилие документов, характеризующих его биографию³.

Семен Лукич Бурьянов родился 1 февраля 1900 г. В автобиографии, составленной по случаю обвинений в сокрытии социального происхождения, он писал (здесь и далее в цитатах сохраняем орфографию и пунктуацию оригинала): «Что из себя представлял мой отец? Мой отец происходит из беднейшего крестьянства Полтавской губернии, Прилукского уезда, села Сокиренец. До 9 лет он жил в селе. После смерти своего отца это примерно в 1880 г. его привезли на Северный Кавказ Армавирского округа ст. Зассовская. Будучи совершенно неграмотным, он был определен в сельские пастухи над скотиной. Самоучкой научился грамоте и спустя несколько лет уже мог кое-что писать и читать. Пастухом он был до 1890 г., т.е. до 20-летнего возраста. Потом женился на своей односельчанке батрачке. До 1900 г. не имел никакой собственности кроме лошаденки. Род занятий до этого времени: уборка хлеба у казаков за 4-й и 5-й сноп. И это представляло источник его существования»⁴. Кроме того, отец Бурьянова занялся торговлей. Начав с корзины коробейника, затем вплоть до революции 1917 г. он содержал лавку. Для обеспечения большой семьи (состояла из 7 чел.) был также арендован участок земли в 6 десятин. Вся семья летом работала в поле — сенокос, огород, озимые и весенние посевы. Были в хозяйстве две лошади и корова⁵. Оправдываясь перед товарищами по партии в 1929 г., Бурьянов рассказывает, как его семья обзавелась доходным предприятием: «В 1910 г. отец в компании с машинистом Красножоновым купил паровую молотилку 4-х л. с. на аукционном торге за 1000 руб. с рассрочкой выплаты на 5 лет. Сделали ремонт. Деревянную часть делал отец, а механическую второй компаньон. В 1912 г. отец продает свою половину, а покупает в рассрочку сам машину, кажется за 1250 р. рассрочка на три года. В хозяйстве молотилка находилась до 1924 г. В 1921 г. отец после длительной болезни умер. На молотилке последнее время работал брат. В 1924 г. при разделе хозяйства между матерью и братом молотилка была продана. От своей части в хозяйстве

я совершенно отказался; это зафиксировано соответствующими организациями. Помощи от своих родных абсолютно никакой не получал как стал жить самостоятельно, т. е. с 1919 г.»⁶.

Начальное образование С. Л. Бурьянов получил в сельской школе, но с 10 лет уже работал в семейном предприятии, летом трудился на молотилке, став к 18 годам машинистом. С апреля по ноябрь 1918 г. служил в Красной армии. С ноября 1918 по ноябрь 1920 г. находился в плену у белых. Чем он занимался в это время — неясно. По крайней мере, летом 1919 г. ему как военно-обязанному была выдана справка пикантного содержания по месту проживания в станице Зассовская: «Дано Сие Ваено обязанному Семену Лукичу Бурьянову в том что он освобождается по болезни Винирической для Авбалаторного личения При зар. Бараке»⁷. По-видимому, с белыми же Бурьянов отступал в Крым, поскольку в конце 1920 г. уже состоял младшим оружейным слесарем в Феодосийской уездной городской рабоче-крестьянской советской милиции. В 1921 г. возвращается в родную станицу и служит слесарем в Земельном отделе. Спустя почти десять лет на собрании партячейки эти страницы биографии Бурьянова вызвали у товарищей живейший интерес — как оказался в Крыму, почему не расстреляли белые, не выдал ли своих, умышленно ли попал в плен, «а ежели нет, то при каких обстоятельствах?»⁸.

К этому времени Семен Лукич уже рабочий со стажем и опытом общественной деятельности. По профсоюзной линии в 1921 г. он направлен на рабфак в Краснодаре, там вступает в комсомол. В 1925 г. принят в ВКП(б) и становится студентом факультета индустриального земледелия Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина. Рекомендую его центральному управлению Пищетреста на предмет контрактации⁹, секретарь партбюро дал Бурьянову отличную характеристику: «За период трехлетнего пребывания в институте выявил хорошую подготовленность к учебной работе в ВУЗе, успешно проработал общетехнические предметы факультета и приступил к изучению специальных предметов Отделения переработки сельско-хозяйственных продуктов по консервно-холодильному делу. Наряду с учебной работой тов. Бурьянов в течение всех трех лет находился на выборной общественной работе в качестве: 1) культработника профессионального Комитета ВСРМ [Всероссийского союза рабочих-металлистов] и организатора профкружков в 1925/1926 году, 2) члена Ревизионной комиссии профкома ВСРМ в 1926/27 году, 3) председателя Профбюро ВСРМ и члена бюро ячейки ВКП(б) факультета в 1927/28 году.

Тов. Бурьянов в ВУЗе сумел сочетать основную учебную работу с крупной общественной работой, внимательным и серьезным отношением и умелым подходом ко всей работе, завоевал авторитет среди партийных и беспартийных масс студенчества факультета.

Все это дает уверенность в том, что тов. Бурьянов С. Л. выйдет из ВУЗа крепким СПЕЦИАЛИСТОМ-ОБЩЕСТВЕННИКОМ, а потому вполне соответствует для направления его по окончании института на работу ИНЖЕНЕРА ПО КОНСЕРВНО-ХОЛОДИЛЬНОМУ ДЕЛУ»¹⁰.

Однако столь радужные перспективы студента оказались омрачены грядущим исключением из партийных рядов. По решению XVI партийной конференции ВКП(б) в 1929–1930 г. началась «генеральная чистка» партии. Бурьянов был вызван на заседание ячейки и детально расспрошен про неудобные факты его биографии, связанные с пленением белыми в годы Гражданской войны. Вопрос социального происхождения, однако, не обсуждался, а в анкетных данных было заявлено крестьянское происхождение. Некоторое время спустя, 5 декабря 1929 г., Семен Лукич написал заявление в Контрольную комиссию Выборгского райкома партии, где сообщил, что его отец до революции, помимо крестьянства, занимался еще мелкой сельской торговлей и имел молотилку. Чистосердечно признаваясь в сокрытии этого факта перед товарищами, Бурьянов рассчитывал на снисхождение ввиду того, что и торговля прекратилась в 1917 г., и отец скончался, и от отцовского наследства он отказался в пользу брата, который, в свою очередь, вступил в колхоз. Однако решением Выборгской районной контрольной комиссией от 29 декабря 1929 г. он был исключен из рядов ВКП(б) за утайку при вступлении в партию и комсомол и в ходе чистки того факта, что являлся сыном торговца. Несоответствие проступка и наказания за него дали Бурьянову силы апеллировать к вышестоящей инстанции об отмене несправедливого, по его мнению, решения. Бурьянов ссылаясь на свою слабую политическую сознательность и молодые годы: «Я был в это время очень малограмотен и политически не развит. Спустя два года я вступил в ВКП(б). В начале совершения моих проступков я этому не придавал особого значения, но чем больше я развивался политически, тем больше этот проступок не давал мне покоя. В особенности во время пребывания меня на ответственных общественных работах, когда нужно было проводить правильно классовую политику партии. И, несмотря на то, что у меня самого был проступок, сокрытия социального положения, на моей работе это совершенно не имело место отражения. Я умел вести работу так, как этого требовала партия. И ни одного классового искривления, ни одного колебания и малодушия за все это время у меня не было»¹¹. Семен Лукич также заявлял, что был готов вскрыть свое преступление на чистке, но растерялся, будучи расстроенным из-за семейных обстоятельств. Он полагал, что, несмотря на его проступок, остается полезным партии, и в объяснительной записке от 12 января 1930 г. писал: «Я считаю, что с тем опытом и теми знаниями, которые я получил за эти 10 лет, я принесу гораздо больше пользы, находясь в рядах партии. Партия может послать меня на любую работу как городского характера, так и колхозного строительства. И с этой работой я вполне справлюсь, так как знаю условия работы и жизни крестьянства. Вот почему я прошу областную контрольную комиссию пересмотреть более внимательно вопрос моего исключения»¹².

Получив отказ в восстановлении от парттройки областной контрольной комиссии, он направляет просьбу о рассмотрении его вопроса на партколлегии. Характеристики, представленные Семеном Лукичом, показывают его с лучшей стороны — добросовестный и активный, технически грамотный и ответственный. Будучи к 1929 г. человеком, обремененным семьей (на его иждивении находились жена и мать), он начал профессиональную трудовую дея-

тельность еще на студенческой скамье. Хорошо зарекомендовал себя, работая летом 1929 г. на Первом Государственном механическом колбасном заводе им. Стружкина, а затем, с февраля по апрель 1930 г., на Сергиевском Холодильнике (подразделение Мясо-консервного завода, Лиговская ул., 275). К маю того же года Бурьянов принят на должность помощника заведующего технической частью Государственного пивоваренного завода «Вена». Однако вопрос окончания института оказался связан с восстановлением в партии. В просьбе, направленной парткомом Ленинградского Политехнического института в Областную контрольную комиссию об ускорении рассмотрения апелляции студента IV курса, подчеркивалось, что от нее зависит пребывание Бурьянова в институте¹³. Излагая свое дело в феврале 1930 г. на заседании апелляционной комиссии, Бурьянов писал: «Работал в партии, а тоже и в комсомоле честно как этому подсказывала партийная совесть. В настоящее время, несмотря на то, что исключен со всех организаций, политические убеждения у меня останутся непоколебимыми, другими словами, морально я остаюсь тем же партийцем и на работе dokonчу и отдам все свои знания для трудящихся масс. Поэтому прошу контрольную комиссию поверить мне в моем обещании и поручить мне любую работу. Даю обещание, что партийное доверие я оправдаю»¹⁴.

В мае 1930 г. на заседании Ленинградской областной контрольной комиссии ВКП(б) ввиду целесообразности окончания С. Л. Бурьяновым учебы в институте было принято постановление, отменяющее решение районной контрольной комиссии. Семена Лукича оставили в партии, объявив ему выговор за сокрытие своего социального происхождения.

В течение нескольких следующих лет Бурьянов работал на пивоваренном заводе «Вена». Возможно, именно тогда он пристрастился к хмельному напитку, о чем становится известно со страниц блокадного дневника. Однако внешне его карьера складывалась вполне успешно. К 1934 г. он был заведующим теплосиловым хозяйством и холодильных станций крупного предприятия с зарплатой 375 руб., занимался и общественной работой — руководил Кружком ленинизма и состоял председателем ИТС¹⁵. Был женат, имел годовалую дочь¹⁶. В советском государстве 1930-х гг. он считался перспективным молодым инженером с возможностями стремительного карьерного роста. Однако пристрастие к алкоголю вновь привело С. Л. Бурьянова к исключению из партии и спровоцировало проблемы в профессиональной деятельности.

Излагая суть своего дела в связи с обсуждением на заседании пленума парткома завода «Вена», а впоследствии в райкоме ВКП(б), Бурьянов сообщал о потере им партбилета и мотивах сокрытия этого факта. Атмосфера в городе после убийства С. М. Кирова заставила товарищей по партии принять жесткое решение. В формулировке постановления заводского комитета партии значилось: «За игнорирование парторганизации выразившееся в том, что партбилет был, по словам Бурьянова, украден 19 ноября 1934 г., и не поставил в известность партком до обнаружения самим парткомом в январе месяце ввиду неявки на закрытое партийное собрание и за неоткровенное признание о причинах кражи билета»¹⁷.

Перипетии ленинградского инженера Бурьянова нашли отражение в советском кинематографе. В 1936 г. на экраны вышел фильм режиссера И. Пырьева «Партийный билет», в котором дело о потере главной героиней партбилета рассматривается в помещении под портретом Кирова, погибшего якобы от рук террористов, воспользовавшихся документами нерадивых и не заслуживающих оставаться в рядах партии ее членов. Давая объяснения в районном комитете партии, Бурьянов, надеясь на отмену решения заводской парторганизации, сообщал: «В партком вначале не заявил, а заявил в стол находок. 29 ноября, т. е. спустя 10 дней со дня утери в столе находок ничего найдено не было. 1 декабря я решил пойти в партком и все объяснить, но секретарь парткома спешил на доклад тов. Кирова. События, происшедшие 1 декабря оттянули обнаружение утери мною партбилета. Это дело было обнаружено только в январе месяце перед читкой письма ЦК ВКП(б)¹⁸. Комитетом завода «Вена» (три на три) я был исключен из рядов ВКП(б) пленумом от февраля»¹⁹. Подобные объяснения лишь усугубили положение проштрафившегося. 31 марта 1935 г. решением Володарского райкома ВКП(б) Бурьянов был исключен из рядов ВКП(б) за утерю партбилета в пьяном виде и сокрытие этой утери от парткома. В августе 1935 г. дело С. Л. Бурьянова рассматривалось на заседании секретариата Ленинградского обкома ВКП(б). Решение районной организации было утверждено²⁰. Не последнюю роль сыграла характеристика, подписанная Председателем парткома завода «Вена» тов. Аксельрод. В ней она сообщала о том, что Бурьянов по натуре ленив, к работе относился недобросовестно, выпивал на производстве. В семье вел себя безобразно, скандалил, бил жену. При этом был политически грамотен и «работал лучше», пока состоял в партии²¹.

В мае 1938 г. Бурьянов подает в апелляционный отдел Горкома ВКП(б) заявление о восстановлении в партийных рядах: «В 1935 г. 9 сентября Областным комитетом ВКП(б) я был исключен из рядов ВКП(б), в которой находился в течение 10 лет и 4-х лет в комсомоле. Весь мой жизненный путь, начиная с совершеннолетия, связан с комсомолом и партией. Я был воспитан Ленинским комсомолом и Коммунистической партией. Занимал ряд ответственных должностей, выборных, как во время учебы, так и на производстве. Отдавал все силы и знания за дело рабочего класса, был верным большевиком дела Ленина — Сталина. Оставаясь без партбилета, после моего исключения из рядов ВКП(б), я идейно остался преданным Коммунистической партии. Работая с августа 1937 г. в С. З. О. Реммаштреста в качестве инженера машиноведа я систематически из месяца в месяц перевыполняю план своего задания и иду в передовых рядах тех. отд. моб. ресурсов Реммаштреста. Решение январского пленума ЦК ВКП(б) внедрило во мне новую струю притока сил и энергии на борьбу с врагами народа за справедливое дело большевизма. Обращаясь к Вам со своим заявлением, считаю, что подход, об исключении из партии был пристрастным, поэтому прошу комиссию пересмотреть мое дело о восстановлении в рядах ВКП(б)»²².

В июле 1938 г. дело Бурьянова рассматривалось на заседании партколлегии при уполномоченном Комиссии партийного контроля по Ленинградской области. Излагая свое видение уже несколько отдаленных событий, Бурьянов

вольно или невольно корректирует их: «30 ноября 1934 г. (а не 19 ноября, как значится в документах. — О. Г.) по возвращении из Лесного от родственников домой, у меня был выкраден из внутреннего кармана пиджака бумажник, в котором находился и партбилет... Физическое состояние — был выпивши. Заявления в стол находок не дали положительных результатов... Об утере партбилета отдельные члены парткома знали, но гласности этому вопросу не придали. Официально об утере партбилета я заявил в начале января 1935 г. (стало известно случайно после 18 января 1935 г. — О. Г.). В этом и является основная и главная моя вина, которую я целиком признаю; кроме того, пользуясь большим авторитетом среди масс я недооценил результатов, могущих повлечь исключение меня из рядов ВКП(б). Районная комиссия партийного контроля Володарского района подтвердила решение парткома завода “Вена”. Апелляция в обл. парт. контроль подтвердила решение районного комитета. В связи с откомандированием меня на должность гл. механика Углекислотного завода, я как новый человек должен был заслужить авторитет, чтобы иметь от партийной организации положительную характеристику благодаря чему я не имел возможности апеллировать в ЦПК. Признавая целиком свою вину в халатном отношении хранения партбилета я заверяю партию, что если комиссия найдет возможным восстановить меня в рядах ВКП(б), то поверьте, что балластом для партии я не буду являться; я отдаю все свои силы за дело Ленина — Сталина и оправдаю любое доверие партии, на любом из самых трудных участков работы куда бы меня не послали. Я согласен перенести любое наказание партии, только не исключение из рядов ВКП(б), воспитанником которой я являюсь»²³.

Однако несмотря на представленные положительные характеристики, решение Володарского райкома от 31 марта 1935 г. об исключении из партии С. Л. Бурьянова, утвержденное Ленинградским обкомом ВКП(б), было подтверждено²⁴.

Попадание в жернова истории в переломном 1934 г. предопределило и блокадную судьбу автора дневника, которую можно проследить в подневных записях²⁵, наполненных не только личными переживаниями, бытовыми подробностями²⁶, но и политическими штампами эпохи, которые глубоко врезались в сознание человека, воспитанного ленинским комсомолом и не представлявшего своей жизни без коммунистической партии.

¹ Зачастую тема исследования определяет подборку исторических источников. Так, о повседневной жизни блокадного города, межличностных отношениях блокадников, проблемах морали и внутренних переживаниях могут поведать только источники личного происхождения. См. об этом, напр.: *Ковальчук В. М., Чистиков А. Н.* Ленинград и ленинградцы в годы блокады. СПб., 2012; *Яров С. В.* Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М., 2012; *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 1: июнь 1941 — май 1942. СПб., 2013; Кн. 2: июнь 1942 — январь 1943. СПб., 2015; Кн. 3: январь 1943 — январь 1944. СПб., 2017; *Пянкевич В. Л.* «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014; и др.

² Текст под названием «Дневник ленинградца» хранится в Российской национальной библиотеке (РНБ. Отдел рукописей. Ф. 1391. Оп. 2. Собр. В. К. Зиборова. № 6).

³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф.1728. Оп.1. Д.830955/1, 830955/2, 830955/3, 830955/4, 830955/5.

⁴ Там же. Д.830955/4. Л.8.

⁵ Там же. Д.830955/3. Л.5.

⁶ Там же. Д.830955/4. Л.8.

⁷ Там же. Д.830955/5. Л.1.

⁸ Там же. Д.830955/4. Л.6.

⁹ Контрактация — система вербовки работников в той или иной отрасли государственной работы посредством заранее заключаемых договоров. В частности, осуществлялась контрактация студентов.

¹⁰ Там же. Д.830955/5. Л.12.

¹¹ Там же. Д.830955/4. Л.9.

¹² ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.830955/4. Л.9.

¹³ Там же. Л.17.

¹⁴ Там же. Л.1 об.

¹⁵ ИТС — инженерно-технические секции профсоюзов, существовали с середины 1920-х до середины 1930-х гг., когда начался процесс их распада и самоликвидации, завершившийся в 1939 г.

¹⁶ Клара Семеновна Бурьянова (24.10.1933–03.1942) (Дневник Ленинградца. Запись от 24 октября 1941 г.). По другим данным, дочь родилась в 1934 г., см.: Книга памяти «Блокада». URL: <http://visz.nlr.ru/blockade> (дата обращения: 14.02.2019).

¹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.830955/3. Л.4.

¹⁸ 18 января 1935 г. ЦК ВКП(б) направил закрытое письмо ко всем партийным организациям об уроках событий, связанных с убийством первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Кирова.

¹⁹ Там же. Л.5 об.

²⁰ Там же. Д.830955/5. Л.19.

²¹ Там же. Д.830955/3. Л.9.

²² Там же. Л.8–8 об.

²³ Там же. Д.830955/3. Л.11.

²⁴ Там же. Д.830955/5. Л.20.

²⁵ Публикация дневника С.Л. Бурьянова планируется на страницах журнала «Новейшая история России».

²⁶ Благодаря человеческой слабости Бурьянова, со страниц дневника узнаем подробности бытования в блокадные дни такого алкогольного напитка, как пиво: *Гаврилова О.А.* «Пиво же им выдается потому, что в известной степени является продуктом питания»: о производстве и потреблении пива в блокадном Ленинграде // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2017. № 3(15). С.60–81.

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2019 г.

Рекомендована в печать 12 сентября 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гаврилова О.А. Партийность в карьере советского инженера: судьба С.Л. Бурьянова // Новейшая история России. 2019. Т.9, №4. С.969–978.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.409>

УДК 94(47).084

Аннотация: В статье на основе архивных материалов восстанавливается биография рядового советского инженера, чья карьера развивалась в соответствии с требованиями строящегося социалистического государства. Интерес к личности С.Л. Бурьянова обусловлен сохранившимся в личном

архиве блокадным дневником, добавляющим в известную исследователям картину блокадной жизни новые данные. Специальное образование и профессиональная карьера Бурьянова оказались тесным образом связаны с членством в рядах ВКП(б). Партийная грамотность и активное участие в общественной жизни не смогли защитить Бурьянова в ходе партийной чистки. Утаивание сомнительных моментов биографии периода Гражданской войны, сокрытие социального происхождения привели к лишению партбилета и длительной процедуре апелляции, в ходе которой Бурьянов представил отличные характеристики своих деловых качеств и личных сторон характера. Восстановление молодого инженера-партийца в рядах ВКП(б) и, как следствие, профессиональный рост в качестве ведущего инженера крупного предприятия пищевой промышленности могли означать для него серьезные карьерные перспективы. Однако потеря партбилета и утаивание обстоятельств произошедшего от партиячейки на фоне развивающихся репрессий против партийного и советского руководства Ленинграда в связи с убийством С. М. Кирова привели к очередному исключению из партии. Обсуждение дела Бурьянова в различных партийных инстанциях не принесло ему желанного восстановления в партийных рядах. Напротив, оно стало катализатором его профессиональной несостоятельности, спровоцированной алкогольной зависимостью. Перипетии судьбы ленинградского инженера Бурьянова отражены и в советском кинематографе.

Ключевые слова: Ленинград, партийные чистки, Всесоюзная коммунистическая партия, инженер, блокада Ленинграда, дневник.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 17-01-00346 «Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг.».

Сведения об авторе: Гаврилова О. А. — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); o.gavrilova@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Gavrilova O. A. 'Party Membership in the Career of a Soviet Engineer: the Fate of S. L. Buryanov', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 4, 2019, pp. 969–978.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.409>

Abstract: The article uses archival materials to restore the biography of an ordinary Soviet engineer, whose career followed the requirements of the socialist state under construction. L. S. Buryanov is of interest in part because his diary adds new data to our picture of Blockade of Leningrad. Buryanov's special education and professional career were closely associated with membership in the ranks of the Communist Party. However, party literacy and active participation in public life failed to protect Buryanov during the purge. Concealing questionable parts of his biography of the Civil war period and of his social roots led to the cancelling of his party membership and a long appeal procedure, in which by Buryanov received excellent evaluations for his business qualities and character. The restoration of his party membership and professional growth as the leading engineer for a large enterprise in the food industry could provide serious career prospects for the young engineer and party member. However, the loss of his membership card and concealing an incident in a local party cell, against the background of repression in the wake of the murder of S. M. Kirov, led to expulsion once again from the party. Discussion in various party contexts did not restore Buryanov's membership. On the contrary, it was a catalyst for his professional failure, provoked by alcohol addiction.

Keywords: Leningrad, party purges, Communist Party, engineer, Siege of Leningrad, diary.

This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 17-01-00346 "The Blockade in the decisions of the leading party bodies of Leningrad, 1941–1944".

Author: Gavrilova O.A. — PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); o.gavrilova@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

Kovalchuk V.M., Chistikov A.N. *Leningrad and its residents during the blockade* (St. Petersburg, 2012). (In Russian)

Pyankevich V.L. *“People lived by rumors”: The informal communicative space of the besieged Leningrad* (St. Petersburg, 2014). (In Russian)

Sobolev G.L. *Leningrad in the struggle for survival in the blockade, Book 1: June 1941 — May 1942* (St. Petersburg, 2013). (In Russian)

Sobolev G.L. *Leningrad in the struggle for survival in the blockade, Book 2: June 1942 — January 1943* (St. Petersburg, 2015). (In Russian)

Sobolev G.L. *Leningrad in the struggle for survival in the blockade, Book 3: January 1943 — January 1944* (St. Petersburg, 2017). (In Russian)

Yarov S.V. *Blockade Ethics. Representations of morality in Leningrad in 1941–1942* (Moscow, 2012). (In Russian)

Received: February 14, 2019

Accepted: September 12, 2019